

Научная статья

УДК 339.9.01

doi: 10.17223/19988648/71/4

Petrostate и государство развития: необходимость диверсификации экспорта

Наталья Викторовна Осокина¹, Евгений Евгеньевич Жернов²

^{1, 2} Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия

¹ onv.eti@kuzstu.ru

² zhee.eti@kuzstu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблема товарной структуры экспорта РФ, её связь с периферийным характером участия страны в мировой экономике и её обусловленность созданной в государстве моделью зависимой рыночной экономики. Периферийный характер проявляется в получении российской экономикой мир-системной антиренты – ущерба, связанного с более низким вознаграждением тех звеньев глобальных цепочек мирового хозяйства, в которых действует российский капитал, и других негативных эффектах. Выявляются причины, ведущие к росту периферизации торгового статуса РФ. Показано, почему попытки построения модели независимой рыночной экономики в России оказались неудачными. Раскрыты процессы воспроизводства, негативные последствия функционирования и дальнейшего сохранения действующей модели рыночной экономики и товарной структуры российского экспорта в современных условиях. Показана необходимость формирования модели рыночной экономики с «государством развития» нового типа.

Ключевые слова: товарная структура экспорта, мир-системная рента, мир-системная антирента, ядерный и периферийный капитал, модели рыночной экономики, торговое сальдо, МВФ, денежно-кредитная политика, государство развития

Для цитирования: Осокина Н.В., Жернов Е.Е. Petrostate и государство развития: необходимость диверсификации экспорта // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 71. С. 63–79. doi: 10.17223/19988648/71/4

Original article

Petrostate and the developmental state: The need for export diversification

Natalya V. Osokina¹, Evgeniy E. Zhernov²

^{1, 2} T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

¹ onv.eti@kuzstu.ru

² zhee.eti@kuzstu.ru

Abstract. This article examines the problem of the commodity structure of Russian exports, its connection to the peripheral nature of the country's participation in the global economy, and its conditionality by the model of a dependent market economy established in the state. The peripheral character is manifested in the Russian economy

receiving a world-system anti-rent – a detriment associated with the lower remuneration for those links of global value chains in which Russian capital operates, among other negative effects. The reasons leading to the increasing peripherization of Russia's trade status are identified. The article demonstrates why attempts to build a model of an independent market economy in Russia have proven unsuccessful. The processes of re-production, the negative consequences of the functioning, and the further perpetuation of the current model of the market economy and the commodity structure of Russian exports under contemporary conditions are revealed. The necessity of forming a model of a market economy with a new type of "developmental state" is shown.

Keywords: commodity structure of exports, world-system rent, world-system anti-rent, core and peripheral capital, market economy models, trade balance, IMF, monetary policy, developmental state

For citation: Osokina, N.V. & Zhernov, E.E. (2025) Petrostate and the developmental state: The need for export diversification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 71. pp. 63–79. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/71/4

Введение

В конце XX в. Россия предприняла грандиозную попытку интеграции в капиталистическое мировое хозяйство и стать активным участником глобализации. Прошёл достаточный срок для того, чтобы охарактеризовать качество участия нашей страны в международном разделении труда и оценить результаты этого проекта. Существенные изменения произошли в картине глобализации, в состоянии важнейших акторов, определяющих расстановку сил и тренды развития мир-экономики. Актуальность исследования позиционирования нашей страны на мировом рынке и факторов, его определяющих, обусловлена выявлением перспектив существования России в XX в. Эффективным теоретическим методом, позволяющим это сделать, является мир-системный анализ.

Отличительной особенностью российской экономики и базой её участия в международном разделении труда на протяжении исторического развития мир-системы традиционно является обладание богатейшим природно-ресурсным потенциалом. С одной стороны, это важнейшее экономическое преимущество. С другой стороны, извлечение достойной прибыли от эксплуатации природно-ресурсного потенциала, позволяющей эффективно развиваться стране, которой он принадлежит, зависит от её статуса в капиталистической мир-системе.

Участие страны в международном разделении труда в качестве преимущественно поставщика сырьевых ресурсов в мир-системном анализе связывается с её периферийным статусом. Политико-экономические отношения в капиталистической мир-системе и дифференциация структуры капиталистического миро-хозяйства исследованы в трудах зарубежных учёных И. Валлерстайна, С. Амина, Дж. Арриги, А.Г. Франка и др., а также рядом представителей отечественной экономической школы. Периферия в миро-хозяйстве является полем извлечения странами центра мир-системной ренты и реципиентом антиренты. Исторически сложилось так, что страны

центра принудительно организовывали на территориях захваченных ими стран-колоний предприятия по производству минерального, продовольственного и иного сырья для вывоза в метрополии по минимальным ценам как с целью использования на собственных территориях, так и для перепродажи в Европе по рыночным ценам. На местах за этим процессом надзирали местные управляющие, вступившие в сговор с администрацией метрополий, которых известный представитель мир-системного анализа Андре Гюндер Франк назвал люмпен-буржуазией [1].

Эти перераспределительные отношения, означающие переход основной части добавленной стоимости, созданной трудом работников периферии в пользу подчинившей её страны центра, были названы нами генерацией и присвоением мир-системной ренты, что ускоряло накопление капитала стран центра. Результаты подобного перераспределения проявляются в определённом ущербе для экономики периферии, что составляет содержание мир-системной антиренты [2, с. 24, 217]. Приспособление экономики подчиненных стран для обслуживания потребностей центра приводило и приводит к отставанию стран периферии в накоплении общественного капитала и модернизации экономики.

В своей истории Россия не была колонией, но в ней сложилась структура экономики, в которой основой экспорта были отрасли, поставляющие на мировой рынок, прежде всего в Западную Европу, продукты добывающей промышленности и сельского хозяйства, а импортировали продукцию обрабатывающей промышленности. В мир-системе она имела статус полупериферии. Исключение составлял только период советской экономики, которая не была интегрирована в мировое капиталистическое разделение труда.

В экспорте РФ преобладают товары с низкой добавленной стоимостью, в основном продукция добывающей промышленности. В 2024 г. из общего объема поставок 61% приходится на минеральное сырье, 14,5% – на металлы и 10% – на продовольственные и сельскохозяйственные товары [3, с. 76]. С 2021 г. Росстат начал рассчитывать долю нефтегазового сектора в ВВП России, оценивая ее в 15–21% в 2017–2021 гг. [4]. До половины федерального бюджета формируется за счет продажи нефти, нефтепродуктов и природного газа. Поэтому Россию можно назвать «petrostate» – страна, экономика которой сильно зависит от добычи и экспорта нефти и/или природного газа. Мы вкладываем в понятие «petrostate» зависимость экономики от международной торговли не только указанными продуктами, но и другими продуктами добывающих отраслей, в том числе углем.

Результаты и обсуждение

В блоках «трехслойной» структуры мир-системы (центр, периферия, полупериферия) имеет место различная степень концентрации ядровых и периферийных производственных процессов и капитала [2, с. 248]. Проблему ядрового и периферийного капитала рассматривает Джованни Арриги. Яд-

ровый и периферийный капитал связан с ядовыми и периферийными видами деятельности, зоны концентрации которых можно выделить во всех глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС). Глобальная цепочка включает в себя как производство, так и процессы, предшествующие ему и следующие за производством.

Транснациональные корпорации (ТНК) разделяют процесс производства на отдельные звенья с различной величиной добавленной стоимости. Затем трудозатратные производства с низкой добавленной стоимостью передаются на аутсорсинг в регионы с низкой оплатой труда. Производства же с высокой добавленной стоимостью – НИОКР, маркетинг, дизайн, юридическое обслуживание, промоушен и т.д. – концентрируются на территории головных компаний [5, с. 79].

Как отмечают в своей статье Дж. Арриги и Джессика Дранджел, в зонах ядрового типа деятельности процесс конкуренции отсутствует, он «передвинут» в зоны деятельности периферийного типа. По мнению учёных, в зонах периферийной деятельности вознаграждение всех факторов производства ниже, чем в зонах ядровой деятельности [6, р. 17].

Это мнение разделяет видный американский представитель мир-системного анализа И. Валлерстайн. Ядровая деятельность предполагает относительно более высокую прибыльность по сравнению с периферийной, и такая прибыльность связана с обладанием квазимонополией. «...чтобы накопить некоторое количество капитала, производителям требуется *квазимонополия*. Только если она у них есть, они могут продавать свои продукты по ценам, существенно превышающим производственные затраты» [7, с. 26]. Квазимонополия может базироваться на производстве фирмой новых (ведущих) продуктов, а также на действиях государств, способных помешать выходу на рынок других производителей ведущих продуктов.

Российские учёные А.И. Губарь, Р.А. Самсонов, С.Н. Бочаров развивают учение о систематической ренте, присущей механизму воспроизводства капиталов в цепочках ГЦДС. В качестве основных факторов извлечения систематической ренты они выделяют: научно-технические, организационно-пространственные, временные опережения, эффекты «замыкающих производств», более полное соответствие производства изменениям потребительских вкусов, изменяющемуся образу жизни экономических субъектов [8]. Очевидно, что субъекты международной торговли, поставляющие на мировой рынок продукцию обрабатывающей промышленности, тем более высокотехнологичный экспорт, имеют гораздо более широкие возможности получения систематической ренты, нежели экспортеры минерального сырья.

Исследование ситуации с российским экспортом подтверждает, что на рынках сбыта наших основных экспортных товаров: нефти, газа и угля – существует острая конкуренция, при которой участники рынка находятся не в равных условиях, не зависящих непосредственно от производственных показателей. Это оказывает существенное влияние на прибыльность бизнеса. На рынках нефти и газа она в значительной степени обусловлена высоким политико-экономическим давлением конкурентов поставщиков из России.

Там продолжается доминирование США и глобальных американских и европейских компаний. Новая американская администрация планирует поддержать существенное увеличение добычи нефти в США. Американские компании и Катар также будут главными бенефициарами спроса на СПГ [9, с. 70, 72].

Ценообразование на рынке нефти находится под контролем США – «фьючерсы, торгуемые на биржах, определяют, сколько стоит бочка “черного золота”, и американцы цепко держат бразды правления на этом рынке» [10]. Российский топливный экспорт обложен множеством западных санкций, что привело к процессу роста транзакционных издержек и сокращения доходов экспортеров, а также опасениями покупателей заключать сделки с российскими продавцами.

Конкурентами российских поставок трубопроводного природного газа для энергетических китайских компаний также являются многие страны постсоветского пространства, благоприятные политические отношения с которыми весьма важны для России, в частности Туркменистан, Казахстан, Узбекистан.

На прибыльность российского топливного экспорта влияют и действия импортеров, которые, пользуясь осложнениями РФ в международной торговле, стремятся неожиданными предложениями повысить доходность своих операций. Крупнейшими покупателями нашей нефти и угля являются Китай и Индия. При этом возникает риск «диктата покупателя». Они выдвигают требования о дисконтах, вводят импортные пошлины на российский уголь (Китай), объявляют о намерениях при несогласии сменить торгового партнера.

Так, Индия, на которую в ноябре 2023 г. приходилось порядка 40% российского нефтяного экспорта морем, в декабре года сократила закупки нефти с заявлением, что если Россия не хочет предоставлять скидку, нефть поставит Саудовская Аравия. При этом российская нефть шла не на обеспечение внутреннего рынка Индии, а перерабатывалась и в качестве нефтепродуктов направлялась на экспорт [11]. Индусы хотят покупать за свою валюту, рупии, хотя это невыгодно российским продавцам.

Преобладание природных ресурсов в экспорте плохо и потому, что они невоспроизводимы и, соответственно, исчерпаемы. Экспортируя их, мы «залезает в карман» будущих поколений. Производство таких экспортных товаров ведет к значительным нарушениям природного ландшафта, среды обитания растений и животных, сбросу загрязненных вод и увеличению вредных выбросов в атмосферу, росту опасных заболеваний, отличается рисками техногенных аварий. А между тем ряд импортеров используют наши топливные ресурсы для перепродажи.

Угрозой для прибыльности российского углеводородного экспорта выступает развитие усилий в международном сообществе по продвижению климатической повестки. Озвучиваются требования более жестких мер для низкоуглеродного перехода. На конференции COP29 (29-я Конференция ООН по изменению климата) в Баку 11–29 ноября 2024 г. высказывались

предложения о десятикратном увеличении финансирования обязательств развитых стран на климатические проекты. Имеет место последовательное давление развивающихся государств (прежде всего «Группы 77» и Альянса малых островных государств) по применению Западом принципов климатической ответственности и компенсации ущерба [9, с. 55].

В общественно-политической повестке РФ регулярно поднимаются вопросы модернизации экономики, усиления внимания к инновациям и развитию сырьевого экспорта. Однако многие проблемы так и остаются нерешёнными. Эксперты отмечают, что «технологическая структура российской экономики за последние 10 лет практически не изменилась» [12, с. 71]. В 2010–2020 гг. Россия продемонстрировала худшую экономическую динамику среди стран (за исключением Венесуэлы) с высокой долей сырьевого сектора в структуре ВВП [13, с. 4].

Не произошло заметных изменений к лучшему и в настоящее время. Это просматривается в современных торговых отношениях с «дружественными странами», к которым относятся прежде всего страны БРИКС. Данные о товарной структуре торговли РФ в 2023 г. со странами, первоначально вошедшими в БРИКС, представлена в табл. 1¹.

Из табл. 1 следует, что во все рассмотренные страны БРИКС поступали из РФ товары с низкой добавленной стоимостью: нефть, нефтепродукты, уголь, металлы, продукция химической промышленности и продовольствие. Никому из них наша страна не продает машины и оборудование, напротив, покупает продукцию этой товарной группы не только у индустриального лидера КНР, но и у Бразилии, Индии и даже у ЮАР. А ведь все эти государства в последней трети XX в. очень сильно отставали от РФ по развитию обрабатывающей промышленности. Теперь они даже выходят с ней на мировой рынок. В России же условия для обретения значимой роли на мировом рынке товаров обрабатывающей промышленности гражданского назначения при интеграции в капиталистическую мир-систему не удалось сохранить. Доля страны в мировом высокотехнологичном экспорте составляет около 0,3 процента [13, с. 76]. В наших международных торговых сетях функционирует периферийный капитал.

У нашей страны со всеми странами БРИКС крупное положительное торговое сальдо, в случае с Индией – огромное. Это означает, что Россия отдает торговым партнерам товарных ресурсов намного больше, чем получает от них. Чрезмерное торговое сальдо можно расценивать как эффект получения российской экономикой мир-системной антиренты, т.е. ущерба.

¹ Рассчитано авторами по: Самохвалов В., Кузнецова Г. Анализ экономик стран БРИКС и их сотрудничества с Россией в части международной торговли. URL: <https://www.sbs-consulting.ru/upload/iblock/83d/gifenn7d8pdai6dx5278bidhpwopwn0.pdf>

Таблица 1. **Россия в структуре товарного экспорта стран БРИКС**

Страны	Стоимость экспорта из РФ, млрд долл.	Стоимость экспорта в РФ, млрд долл.	Торговое сальдо РФ, млрд долл.	Основные товарные группы экспорта из РФ, млрд долл.	Основные товарные группы экспорта в РФ, млрд долл.
Бразилия	10	1,3	+8,7	Уголь и нефтепродукты – 5,3; химические продукты – 3,6; металлы и изделия из них – 0,24	Продовольствие – 1,2; машины и оборудование – 0,052; химические продукты – 0,026
Доля ТЭК в стоимости экспорта РФ – 53%					
Индия	67,1	4,1	+63,0	Уголь и нефтепродукты – 59,0; химические продукты – 3,4; драгоценности – 1,3	Химические продукты – 1,3; машины и оборудование – 1,1; продовольствие – 0,6
Доля ТЭК в стоимости экспорта РФ – 87,9%					
Китай	128,5	111,1	+17,4	Нефть, газ, уголь – 99,0; драгоценные металлы – 8,0; продовольствие – 8,0	Машины и оборудование – 69,0; химические продукты – 27,0; текстиль, одежда, обувь – 9,0
Доля ТЭК в стоимости экспорта РФ – 77%					
ЮАР	0,549	0,284	+0,265	Удобрения – 0,168; топливо и металлы – 0,134; пшеница и крупы – 0,247	Продовольствие – 0,241; техника и оборудование – 0,010; руды и концентраты – 0,009
Доля ТЭК в стоимости экспорта РФ – 24%					

При этом реальная величина ущерба далеко не всегда имеет четкое бухгалтерское выражение. Но этот ущерб, безусловно, связан с инерционностью товарной структуры нашего экспорта, когда мы выполняем роль ресурсного донора для наших партнеров, от которых (исключая Китай) нередко попросту не можем получить действительно необходимую нам продукцию. Создается впечатление, что мотивация торговых взаимодействий сдвинута в сторону РФ, когда продавец больше заинтересован продать, чем покупатель – купить. Неудивительно, что ряд экспертов считает, что для китайских компаний Россия «пока остается периферийным рынком. Поставки только углеводородов не позволяют создать прочный фундамент сотрудничества, который позволил бы решать в будущем все проблемы экономических отношений между РФ и КНР» [14, с. 9, 10]. Целесообразно предложение «искоренить “культ чистого экспорта” и рассматривать валютную выручку как нереализованную часть национального продукта» [15].

Кроме того, чрезмерно большое торговое сальдо создает поток денег, которые в значительном количестве уходят на международные финансовые рынки, не поступая ни на обслуживание потребностей отечественных потребителей, ни на развитие новых отраслей национальной экономики.

Из международной практики известны примеры изменения структурами экспорта. Так, Австралия, Аргентина, Бразилия и Канада в 1963 г. имели крайне низкую долю несырьевого экспорта, специализируясь преимущественно на экспорте сырья и продукции его первичной переработки. Однако к 2010 г. все они смогли кардинально (от 25 до 55 процентных пунктов) увеличить долю обрабатывающей промышленности в экспорте [16, с. 84]. В различных правительственных документах российской власти также регулярно ставятся вопросы изменения структуры экспорта и модернизации российской экономики. В послании Федеральному собранию, а затем и в Указе о национальных целях развития страны на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. было намечено:

- обеспечение к 2030 г. прироста объема экспортируемых несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 2 трети по сравнению с показателем 2023 г.;

- увеличение к 2030 г. объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 60% по сравнению с уровнем 2020 г. за счет постоянного улучшения инвестиционного климата;

- увеличение к 2030 г. внутренних затрат на исследования и разработки не менее чем до 2% ВВП, в том числе за счет инвестиций на эти цели со стороны частного бизнеса не менее чем в 2 раза [17, с. 7–9].

Чтобы этим правильным целям было суждено сбыться, необходимо объяснить, каковы же причины сохранения имеющейся картины международной торговли в РФ, ведущего к росту периферизации её торгового статуса, и как можно эту картину изменить? Очевидно, что эти причины связаны с природой рыночной экономики, сложившейся в результате трансплантации в российский экономический организм институтов, сформировавшихся и используемых в совершенно других политико-экономических условиях, что и породило «petrostate».

В России руководство, ликвидировавшее плановую экономику, начало строить рыночную с учетом рекомендаций западных специалистов, прежде всего американских, по ведущим западным учебникам экономической теории. Была сделана попытка создать экономику по англосаксонской модели LME (табл. 2)¹.

¹ Составлено авторами по: Яковлев А.А. Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 4. С. 41–49.

Таблица 2. **Модели рыночной экономики разных стран**

	Типы рыночной экономики			
	LME	CME	DME	SPME
Характеристика моделей	Либеральные рыночные экономики	Координируемые рыночные экономики	Зависимые рыночные экономики	Рыночные экономики, проникнутые государством
Страны	Англосаксонские	Страны континентальной Европы	Страны «социалистического лагеря», включая РФ	Китай, Индия, Бразилия

LME и CME считаются базовыми моделями рыночной экономики. Модель DME сложилась в странах с переходной экономикой – странах Восточной Европы и бывших советских республиках, ставших отдельными государствами. Эти небольшие государства, попавшие в зону политико-экономического влияния Евросоюза и мощных государств Евразии, оказались ограничены в возможностях управлять своей экономикой со стороны глобальных корпораций.

Модель CME в РФ построить не пытались. Координируемые рыночные системы не пользовались популярностью в государстве, которое только что целенаправленно отказалось от собственного механизма планомерного развития, тем более что господствующие в то время на Западе теоретические направления в основном отрицали целесообразность вмешательства государства в бизнес.

Были в России и попытки построить модель SPME, трактуемую как аналог государства развития в духе Южной Кореи 1960–1970-х гг. Неудачи этих попыток часто связываются с качеством элиты РФ [18, с. 42, 45]. Конечно, упреки в том, что часть населения, призванная во власть и получившая доступ к собственности, оказалась крайне неустойчивой к материальным соблазнам, совершенно справедливы. Однако представляется, что дело далеко не только в этом.

Классическая англо-саксонская модель, реально представленная в США и Великобритании, складывалась в совершенно других условиях, которых никогда не было в нашей стране, независимо от действующей в ней формы государства: была ли она Российской империей, Советским Союзом или Российской Федерацией. Модель LME сформировалась в условиях самого мощного притока в эти государства мир-системной ренты, который только наблюдался в истории капитализма. Ведь и Британия, и США находились в статусе гегемона мир-системы, причем США, хотя уже с трудом, но сохраняют его до сих пор. Этот приток реализовывался в комплексе выгод, прежде всего обеспечивая ускоренное накопление капитала и его относительно дешевизну, как ресурса.

Доступность, разнообразие и дешевизна капитальных ресурсов не только позволяла развернуться предпринимательским способностям, но и смягчала давление на фактор труда, содействуя качественному воспроизводству национальной рабочей силы, а также возможности приобретения зарубежной рабочей силы лучшего качества. Происходило интенсивное накопление человеческого капитала. Эти обстоятельства уменьшали объем вмешательства государства в регулирование экономики, впрочем, никогда не сводя его на нет. Поле внутренней либерализации существенно расширяла и та историческая особенность развития указанных государств англосаксонской модели, что они никогда не подвергались разрушительным катаклизмам, как страны континентальной Евразии, а в международных организациях межгосударственной политической системы капитализма играли ведущую роль.

Что касается модели SPME по образцу Южной Кореи, то кроме того, что в указанные годы в ней действовали пятилетние планы развития экономики, условия функционирования модели были далеки от тех, что наблюдались в РФ. В мир-системе было решено поддерживать развитие в ней капитализма в противовес советскому влиянию на территории Китая и Северной Кореи. «Планирование опиралось на привлечение иностранного капитала, в первую очередь американского и японского. США обеспечили постоянно растущий спрос на экспорт южнокорейской продукции» [19, с. 36–37]. Позже этот политический фактор поддержки КНР против СССР сыграл свою роль и в успехе функционирования модели SPME в Китае.

Крушение же СССР устранило возможность содействия со стороны Запада развитию экономики нашего государства. Ресурсы нашей страны предназначались для их поглощения государствами «победителей» в холодной войне. Это потребовало от сложившегося в России правящего класса других стратегий, в частности, поддержки государством активной эксплуатации национальным бизнесом природных богатств страны, торгуемых на мировом рынке. В результате сложилась экономика, характеризующаяся своеобразным тандемом государства и крупного бизнеса, нацеленным на получение основных доходов от торговли принадлежащими стране сырьевыми ресурсами. «Извлечение сырьевой ренты было и остаётся привилегией национального капитала, а также государства» [20, с. 49]. Считаем справедливым дополнить эту характеристику указанием на то, что в виде ренты в данном случае присваивается не только чистый продукт, благодаря чему «имеет место хроническое и масштабное отсутствие возмещения и расширенного воспроизводства факторов – основного и человеческого капитала» [21, с. 161]. Существует связь между бизнесом и государством, в которой представители госаппарата поддерживают предлагаемые предпринимателями проекты на основе взаимной заинтересованности.

Отличительной особенностью доходов владельцев крупного бизнеса, по мнению учёных, является то, что они основаны «не на предпринимательских способностях как таковых, а скорее на способности контролировать активы». Бизнес предпочитает краткосрочные доходы долгосрочным и от-

казывается от долгосрочных инвестиционных проектов, даже если они способны существенно повысить эффективность производственного процесса [22, с. 476, 477]. Рентабельность торговли товарами добывающих отраслей в нашей стране выше, чем в предпринимательстве, связанном с обрабатывающей промышленностью, а прилив капитальных ресурсов из-за рубежа, имевший место в успешных случаях реализации модели SPME, совершенно недостаточен для структурных преобразований. Поэтому происходит воспроизводство сложившейся сырьевой специализации РФ в мировом хозяйстве.

Основы финансовой политики РФ были заложены еще в 1990-е гг. в ходе трансформационных преобразований экономических отношений с учетом мнения международных консультантов, прежде всего из МВФ. Западные эксперты, которых отправляли в Россию на год и более, произвели в период с 1991 по 2001 г. техническое содействие в области разработки и реализации денежно-кредитной и фискальной политики размером около 4% общего объема технического содействия, оказываемого фондом [23, с. 9]. В 1993 г. в Конституции Российской Федерации (ст. 75) «законодательно была закреплена ответственность главного банка страны за курс рубля, что не противоречило советам международных кредитных институтов». В 1995 г. статьей 22 закона «О Центральном банке Российской Федерации» ему было запрещено предоставлять кредиты для финансирования бюджетного дефицита как на федеральном, так и на уровне субъектов РФ, а также местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов. С тех пор денежно-кредитная политика и структурная промышленная политика существовали практически обособленно друг от друга. За годы реформ реструктуризация промышленности так и не была проведена [24, с. 38–39, 41].

В РФ с 2010 г. начала реализовываться Программа оценки финансового сектора (ФСАП) МВФ, в которой четко прописаны рекомендации Фонда, а также статус их выполнения («выполнено», «не выполнено», «некоторый прогресс», «значительный прогресс»). Рекомендации касаются налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики, политики в отношении финансового сектора, мер структурной политики, государственного управления [25, с. 422]. МВФ, по мнению специалистов, «все больше отдаляется от первоначально поставленных задач по обеспечению стабильности международных валютных отношений и все более вовлекается в непрофильную деятельность в области надзора и регулирования» [26, с. 117].

Результаты этих рекомендаций, как представляется, нашли отражение в том, что порядка 30 лет, с начала 1990-х гг., денежная, кредитная, процентная, валютная политика России была крайне холодной [27]. Либерализация внешнеэкономических отношений предоставляла возможности для постоянного широкомасштабного оттока капитала. В 2020 г. «широкие деньги» в РФ – величина денежной массы в долларовом измерении – составляла 1,04 трлн долл. США или 65-е место в мире, монетизация ВВП страны составляла 70,4%, что почти в 2 раза ниже среднемирового уровня, показатель насыщенности кредитами – 62-е место [28]. При этом Китай, модель рыночной экономики которого характеризуется как SPME, в течение

тех же 30 лет осуществлял финансовый форсаж. И эта ситуация, вопреки утверждениям неоклассиков, не сопровождалась существенными всплесками в инфляции, проценте, валютном курсе.

Денежно-кредитная политика страны давно и обоснованно подвергается критике многих квалифицированных экспертов в России. Кроме уже указанных авторов можно назвать работы С. Глазьева, В. Катасонова, В. Левина, Ю. Рожкова, А. Зотина, А. Табаха, А. Подругиной и многих других. И даже министр финансов Антон Силуанов отметил, что «замедление кредитной активности и общее снижение экономической активности создают для Центрального Банка больше пространства для маневра в области денежно-кредитной политики» [29].

Однако кардинальных изменений нет. ЦБ РФ сохраняет высокую учетную ставку, аргументируя это опасениями роста инфляции и перегрева экономики. В 2024 г. ЦБ РФ провел очередной цикл повышения ключевой ставки: до 18% в июле, до 19% в сентябре и до 21% на октябрьском заседании, что вызывает удорожание всех кредитов, как потребительских, так и для нужд производства. «Рост ключевой ставки вызывает прямое давление на себестоимость и цены, разгоняя истинную инфляцию как утрату обеспеченности рубля» [30]. В июне 2025 г. ставка была понижена всего лишь до 20%.

Приходится признать, что с определёнными оговорками правомерно суждение о том, что «при декларировании модели LME по факту в 1990-е гг. в Российской Федерации была построена специфическая модель DME» [18, с. 44], то есть модель зависимой рыночной экономики. Она характеризуется высоким влиянием международных организаций, в особенности МВФ, на экономическую политику. В рамках этой модели Россия остается страной с дефицитом капитала, поскольку финансовый сектор России, её внутренняя масса денег и кредита не соответствуют размерам экономики. Единственной формой участия в международных торговых отношениях для неё выступает «petrostate» – нефтяное государство. Следовательно, необходимо изменение модели рыночной экономики, в которой будет экономический суверенитет, обеспечиваемый государством развития нового типа. На встрече с представителями деловых кругов России 26 мая 2025 г. президент Владимир Путин заявил о невозможности суверенитета страны без её экономической самостоятельности. «Без этого суверенитета невозможен никакой другой суверенитет, потому что на этом все стоит, это фундамент» [31].

Для обретения экономического суверенитета необходимо прекращение безусловного подчинения Центробанка и Минфина указаниям МВФ, которые становятся бессмысленными в ситуации жесткого политико-экономического давления на Россию «коллективного Запада». Следует изменить цели политики ЦБ РФ с направленности на регулирование инфляции и валютного курса на обеспечение достаточного уровня монетизации экономики и доступности кредитов для проведения промышленной политики, способствующей структурной модернизации промышленности и экспорта.

Уход от «petrostate» предполагает в качестве фундаментальной характеристики новой модели рыночной экономики отсутствие социальных групп, аналогичных упоминавшейся выше «люмпен-буржуазии». Только в рамках взаимодействия государства развития и национально ответственного бизнеса России можно обеспечить диверсификацию экспорта, уход от периферийного статуса сырьевого донора Запада, а теперь и Большого Юга, повышение самообеспеченности продукцией и технологиями в обрабатывающей промышленности, рост доли высокотехнологичного экспорта в международной торговле.

Заключение

В соответствии с предположениями представителей мир-системного анализа о течении циклов развития мир-системы, мировая экономика вступила в наиболее жесткий этап своей реконструкции. Он будет отличаться усилением напряженности и непредсказуемости в отношениях между участниками мирового хозяйства. Положение многих влиятельных акторов мировых политико-экономических отношений может сильно измениться. Перспективы уменьшения давления на Россию пока не просматриваются. Фактор времени проведения преобразований, необходимых для предотвращения негативных сценариев, становится решающим. Откладывание задачи формирования новой, соответствующей чисто российским условиям модели «государства развития» в РФ может обернуться слишком высокой ценой.

Список источников

1. Frank A.G. Lumpenbourgeoisie: Lumpenddevelopment. Dependence, Class, and Politics in Latin America. New York : Monthly Review Press, 1972. 151 p.
2. Осокина Н.В., Казанцева Е.Г. Современная мир-система и Россия : монография / под общ. ред. Н.В. Осокиной. Кемерово : КузГТУ, 2018. 504 с.
3. Внешняя торговля России: изменения 2024-го и тенденции 2025 года. URL: <https://russiaspivottoasia.com/russian/vneshnyaya-torgovlya-rossii-izmeneniya-2024-go-i-tendenczii-2025-goda/>
4. Росстат впервые рассчитал долю нефти и газа в российском ВВП. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2021/60ec40d39a7947f74aeb2aae>
5. Дзарасов Р.С. Место России в мировой экономике, инвестиции и инновации в эпоху цифровизации // Геоэкономика энергетики. 2023. № 2 (22). С. 72–99.
6. Arrighi G., Drangel J. The stratification of the world-economy: An exploration of the semiperipheral zone // Review. Binghamton (N.Y.). 1986. Vol. 10, № 1. P. 9–74.
7. Валлерстайн И. Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? : сб. статей. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
8. Самсонов Р.А., Бочаров С.Н. Систематическая рента в глобальных цепочках создания добавленной стоимости // Управленец. 2019. Т. 10, № 6. С. 2–14.
9. Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: И.Я. Кобринская, Г.И. Мачавариани. М. : ИМЭМО РАН, 2024. 213 с.
10. Никтошенко Е. Припасы кончились. США играют с ценой нефти, чтобы обрушить еще одну страну. URL: <https://aif.ru/money/economy/pripasy-konchilis-ssha-igrayut-s-cenoy-nefti-chtoby-obrushit-eshche-odnu-stranu>

11. Нефтяная ловушка. Перспективы и риски российской нефтяной отрасли в 2024 году. URL: <https://mashnews.ru/neftyanaya-lovushka-perspektivy-i-riski-rossijskoj-neftjanoj-otrasli-v-2024-godu.html>
12. Кусургадзе Л.В., Якунина Ю.С. Угольная промышленность в контексте структурно-технологической трансформации российской экономики // Уголь. 2025. № 2. С. 69–74.
13. Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Узяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г. // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 3–15.
14. Торкунов А., Стрельцов Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. С. 5–16.
15. Левин В. Критика денежно-кредитной политики Банка России. URL: <https://proza.ru/2025/01/27/1766>
16. Дмитриев М.Э. Долгосрочные перспективы российского экспорта // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 4. С. 68–92.
17. Указ о национальных целях развития страны на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986?erid=2SDnjc45hpG>
18. Яковлев А.А. Конкуренция моделей капитализма: проекция на Россию // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 4. С. 41–49.
19. Осокина Н.В., Жернов Е.Е. «Режим накопления капитала» как категория теории системно-циклического накопления капитала в мировой экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2024. № 67. С. 30–48.
20. Гринберг Р.С., Комолов О.О. Политика протекционизма в России: новые тенденции в контексте проблемы импорта институтов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 44–54.
21. Ложникова А.В. Рента и базовые условия ее производства // Вестник ТГУ. 2011. № 350. С. 159–162.
22. Дзарасов Р. Современный глобальный экономический кризис; мир-системный подход // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 240. С. 460–488.
23. Прока К. Взаимодействие России с международными финансовыми институтами. Справочный обзор. М., 2017. 40 с.
24. Овчинникова О.П. Эволюция денежно-кредитной политики в современной России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2015. № 1. С. 36–42.
25. Дубинкина К.А. Особенности взаимодействия Международного Валютного Фонда и Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 4. С. 419–424.
26. Навой А.В. Трансформация функций МВФ и сотрудничество с Россией // Современная Европа. 2022. № 7. С. 107–119.
27. Миркин Я. Россия в глобальной политике. Финансовой // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 6. С. 245–254.
28. World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/>
29. Силуанов призывает к смягчению монетарной политики. Набиуллина категорически против. URL: <https://dzen.ru/a/aDPm9NZYmDFto iM>
30. Табах А., Подругина А. ДКП-2025 «в яблочко» или «в молоко». URL: https://gaexpert.ru/researches/dkp_2024/
31. Шишкова Е. Путин назвал экономический суверенитет основой независимости России. URL: <https://vz.ru/news/2025/5/26/1334660.html>

References

1. Frank, A.G. (1972) *Lumpenbourgeoisie: Lumpenddevelopment. Dependence, Class, and Politics in Latin America*. New York: Monthly Review Press.
2. Osokina, N.V. & Kazantseva, E.G. (2018) *Sovremennaya mir-sistema i Rossiya: monografiya* [The Modern World-System and Russia: Monograph]. Kemerovo: KuzSTU.
3. Russiaspivottoasia.com. (2025) *Vneshnyaya trgovlya Rossii: izmeneniya 2024-go i tendentsii 2025 goda* [Russia's Foreign Trade: Changes in 2024 and Trends for 2025]. [Online] Available from: <https://russiaspivottoasia.com/russian/vneshnyaya-torgovlya-rossii-izmeneniya-2024-go-i-tendenczii-2025-goda/> (Accessed: 05.07.2025).
4. RBC. (2021) *Rosstat v pervyye rasschital dolyu nefii i gaza v rossiyskom VVP* [Rosstat Calculated the Share of Oil and Gas in Russian GDP for the First Time]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/13/07/2021/60ec40d39a7947f74aeb2aae> (Accessed: 05.07.2025).
5. Dzarasov, R.S. (2023) Mesto Rossii v mirovoy ekonomike, investitsii i innovatsii v epokhu tsifrovizatsii [Russia's Place in the World Economy, Investments and Innovations in the Era of Digitalization]. *Geoekonomika energetiki*. 2 (22). pp. 72–99.
6. Arrighi, G. & Drangel, J. (1986) The stratification of the world-economy: An exploration of the semiperipheral zone. *Review*. 10 (1). pp. 9–74.
7. Wallerstein, I. (2015) Strukturnyy krizis, Ili pochemu kapitalisty mogut schitat' kapitalizm nevygodnym [Structural Crisis, Or Why Capitalists May Find Capitalism Unprofitable]. In: *Yest' li budushcheye u kapitalizma?* [Does Capitalism Have a Future?]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara. pp. 9–30.
8. Samsonov, R.A. & Bocharov, S.N. (2019) Sistematicheskaya renta v global'nykh tsepokkakh sozdaniya dobavlennoy stoimosti [Systematic Rent in Global Value Chains]. *Upravlenets*. 10 (6). pp. 2–14.
9. Dynkin, A.A. et al. (eds) *Dinamika mirovogo razvitiya. Yezhegodnyy prognoz: Rossiya i mir: 2025. Ekonomika i vneshnyaya politika* [Dynamics of World Development. Annual Forecast: Russia and the World: 2025. Economy and Foreign Policy]. Moscow: IMEMO RAS.
10. Nikitovenko, E. (2025) *Pripasy konchilis'. SShA igrayut s tsenoy nefi, chtoby obrushit' eshche odnu stranu* [Supplies Ran Out. The US Plays with the Oil Price to Bring Down Another Country]. [Online] Available from: <https://aif.ru/money/economy/pripasy-konchilis-ssha-igrayut-s-cenoy-nefti-chtoby-obrushit-eshche-odnu-stranu> (Accessed: 05.07.2025).
11. Mashnews.ru. (2025) *Neftyanaya lovushka. Perspektivy i riski rossiyskoy neftyanoy otrasli v 2024 godu* [The Oil Trap. Prospects and Risks of the Russian Oil Industry in 2024]. [Online] Available from: <https://mashnews.ru/neftyanaya-lovushka.-perspektivy-i-riski-rossijskoj-neftyanoy-otrasli-v-2024-godu.html> (Accessed: 05.07.2025).
12. Kusurgasheva, L.V. & Yakunina, Yu.S. (2025) Ugol'naya promyshlennost' v kontekste strukturno-tekhnologicheskoy transformatsii rossiyskoy ekonomiki [The Coal Industry in the Context of the Structural and Technological Transformation of the Russian Economy]. *Ugol'*. 2. pp. 69–74.
13. Porfiriev, B.N., Shirov, A.A., Uzyakov, M.N., Gusev, M.S. & Shokin, I.N. (2020) Osnovnyye napravleniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v 2020–2024 gg. i na period do 2035 g. [Main Directions of Socio-Economic Development in 2020–2024 and for the Period up to 2035]. *Problemy prognozirovaniya*. 3. pp. 3–15.
14. Torkunov, A. & Streltsov, D. (2023) Rossiyskaya politika povorota na Vostok: problemy i riski [Russia's Pivot to the East Policy: Problems and Risks]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 67. pp. 5–16.
15. Levin, V. (2025) *Kritika denezhno-kreditnoy politiki Banka Rossii* [Critique of the Monetary Policy of the Bank of Russia]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2025/01/27/1766> (Accessed: 05.07.2025).
16. Dmitriyev, M.E. (2023) Dolgosrochnyye perspektivy rossiyskogo eksporta [Long-Term Prospects for Russian Exports]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 4. pp. 68–92.

17. President of Russia. (2024) *Ukaz o natsional'nykh tselyakh razvitiya strany na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda* [Decree on National Development Goals for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73986> (Accessed: 05.07.2025).
18. Yakovlev, A.A. (2021) Konkurentsia modeley kapitalizma: proektsiya na Rossiyu [Competition of Capitalism Models: A Projection onto Russia]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 4. pp. 41–49.
19. Osokina, N.V. & Zhernov, E.E. (2024) "Rezhim nakopleniya kapitala" kak kategoriya teorii sistenno-tsiklicheskogo nakopleniya kapitala v mirovoy ekonomike ["Regime of Capital Accumulation" as a Category of the Theory of Systemic-Cyclical Capital Accumulation in the World Economy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. (67). pp. 30–48.
20. Grinberg, R.S. & Komolov, O.O. (2022) Politika protektsionizma v Rossii: novyye tendentsii v kontekste problemy importa institutov [Protectionism Policy in Russia: New Trends in the Context of the Problem of Importing Institutions]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 15 (2). pp. 44–54.
21. Lozhnikova, A.V. (2011) Renta i bazovyye usloviya yeye proizvodstva [Rent and the Basic Conditions of its Production]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 350. pp. 159–162.
22. Dzarasov, R.S. (2023) Sovremennyy global'nyy ekonomicheskiy krizis; mir-sistemnyy podkhod [The Modern Global Economic Crisis: A World-Systems Approach]. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. 240. pp. 460–488.
23. Proka, K. (2017) *Vzaimodeystviye Rossii s mezhdunarodnymi finansovymi institutami. Spravochnyy obzor* [Russia's Interaction with International Financial Institutions. A Reference Review]. Moscow.
24. Ovchinnikova, O.P. (2015) Evolyutsiya denezhno-kreditnoy politiki v sovremennoy Rossii [Evolution of Monetary Policy in Modern Russia]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika i upravleniye*. 1. pp. 36–42.
25. Dubinkina, K.A. (2022) Osobennosti vzaimodeystviya Mezhdunarodnogo Valyutnogo Fonda i Rossiyskoy Federatsii [Peculiarities of Interaction between the International Monetary Fund and the Russian Federation]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 4. pp. 419–424.
26. Navoy, A.V. (2022) Transformatsiya funktsiy MVF i sotrudnichestvo s Rossiyei [Transformation of IMF Functions and Cooperation with Russia]. *Sovremennaya Evropa*. 7. pp. 107–119.
27. Mirkin, Ya. (2021) Rossiya v global'noy politike. Finansovoy [Russia in Global Politics. Financial]. *Rossiya v global'noy politike*. 19 (6). pp. 245–254.
28. World Bank. (2025) *World Bank Open Data*. [Online] Available from: <https://data.worldbank.org/> (Accessed: 05.07.2025).
29. Dzen.ru. (2025) *Siluanov prizyvayet k smygcheniyu monetarnoy politiki. Nabiullina kategoricheski protiv* [Siluanov Calls for a Softening of Monetary Policy. Nabiullina is Categorically Against]. [Online] Available from: https://dzen.ru/a/aDPm9NZYMDFto_iM (Accessed: 05.07.2025).
30. Tabakh, A. & Podrugina, A. (2025) *DKP-2025 "v yablochko" ili "v moloko"* [Monetary Policy-2025 "Bullseye" or "Miss"]. [Online] Available from: https://raexpert.ru/researches/dkp_2024/ (Accessed: 05.07.2025).
31. Shishkova, E. (2025) *Putin nazval ekonomicheskiy suverenitet osnovoy nezavisimosti Rossii* [Putin Called Economic Sovereignty the Basis of Russia's Independence]. [Online] Available from: <https://vz.ru/news/2025/5/26/1334660.html> (Accessed: 05.07.2025).

Информация об авторах:

Осокина Н.В. – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово, Россия). E-mail: onv.eti@kuzstu.ru

Жернов Е.Е. – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово, Россия). E-mail: zhee.eti@kuzstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Osokina, Dr. Sci. (Economics), professor, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: onv.eti@kuzstu.ru

E.E. Zhernov, Cand. Sci. (Economics), head of the Department of Economics, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zhee.eti@kuzstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2025;
одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 12.09.2025.*

*The article was submitted 18.06.2025;
approved after reviewing 04.08.2025; accepted for publication 12.09.2025.*